

Dzmitry Kliabanau*

UNIwersYTET JAGIELLOŃSKI

ORCID: 0000-0002-4606-630X

Травма как детерминант структуры личности и ментальности общества в современной России: на примере образа Льва Смыслова – героя романа Саши Филипенко Травля

Одним из ключевых понятий для анализа конструкции литературных персонажей писателями, размышляющими о логике и путях развития постсоветского общества, является травма – опыт, полученный в результате общественно-политических изменений последних десятилетий XX века. Именно травма лежит у истоков формирования личности персонажей *Травли* – вышедшего в 2016 году в журнале «Знамя» романа белорусского и российского писателя Саши Филипенко¹. Перенесенные испытания «лихих 1990-х» не

1 Саша Филипенко (род. 1984) – белорусский и российский писатель, журналист. Пишет на белорусском и русском языках, автор ряда пьес, рассказов, а также романов *Бывший сын*, *Травля*, *Красный крест*, *Возвращение в Острог*, *Кремлятор* и др. Лауреат ряда наград, в том числе литературной «Русской премии» 2014 года и Международной литературной премии «Ясная поляна» 2020 года. Общественный деятель: в 2011 году отмечен дипломом белорусского Пен-Центра (9 августа 2021 года существовавшая с 1989 года организация, возглавляемая с 2019 года лауреатом Нобелевской премии в области литературы Светланой Алексиевич, была ликвидирована постановлением Верховного суда Беларуси по представлению Министерства юстиции РБ). Неоднократно публично выступал в защиту жертв политических преследований в Беларуси и России, поднимал проблему политических заключенных в независимой белорусской и российской прессе, в ряде немецких, польских, шведских, английских и др.

* **Dr Dzmitry Kliabanau** – literaturoznawca i kulturoznawca, adiunkt w Katedrze Kultury Słowian Wschodnich Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie. Autor publikacji naukowych i popularnonaukowych (w języku białoruskim, rosyjskim, polskim, włoskim), w zakresie historii i teorii literatury, współczesnej literatury białoruskiej i rosyjskiej, kulturoznawstwa, metodyki nauczania języków obcych.

только оказали свое деформирующее воздействие на сознание, жизненные устремления и моральные устои, но и предопределили дальнейшую судьбу героев романа: одни сумели устроиться в новой реальности, попасть в обойму, начать обслуживать новую власть и получить все возможные материальные блага, другие, испытав мгновенный взлёт и такой же мгновенный упадок, на всю жизнь усвоили страшные уроки бедности и подчинили всю последующую жизнь стремлению подняться – на любых условиях и любой ценой. Пережитые травмы навсегда изменяют внутренний мир героев, становятся причиной неизлечимых страхов, неумеренной жестокости, холодного, бесстрастного отношения к чужим страданиям, обесценивания жизни как таковой.

Процессы формирования индивидуального и коллективного сознания имеют общие черты и механизмы, которые можно анализировать с точки зрения психоанализа. В частности, и в случае процесса формирования самосознания индивида, и в случае т.н. массового сознания имеют место явления социального и культурного отчуждения, деактуализации и реактуализации общественных и культурных явлений, которые можно описывать при помощи понятийного аппарата психоанализа: «вытеснение», «замещение», «осознание» и т.д. Соответственно, и в случае индивидуального, и в случае коллективного самосознания и самостановления психологическая травма – особенно полученная на начальном/раннем этапе этих процессов – становится моделирующим элементом, формируя различные комплексы и синдромы и определяя дальнейший вектор развития индивида и/или социума. Травма накладывает отпечаток на сознание, влияет на мировосприятие и мироощущение, предопределяет выработку защитных механизмов. Травма и реакция на нее сознания – в форме переживания, осознания, вытеснения, подавления, отчуждения и т.д. – факторы, имеющие потенциал стать ключевыми для формирования личности, социума и даже нации.

По замечанию российско-немецкого философа и филолога Игоря Смирнова, существуют все основания говорить о принципиальном единстве психоанализа, логики и истории: «[...] и психическое, и логическое, и культурно-историческое равным образом сводится к понятию замещения: психическое – к воображаемому, ставящему желаемый субъектом мир на место эмпирического, логическое – к правилам получения из одних значений других, историко-культурное – к смене старых типов мышления новыми»².

Психоисторическая же основа литературного текста выявляется следующим образом: поскольку в нем манифестируется характер, захватывающий господствующее положение в культуре, исключаящий другие психотипы, следовательно, психоистория в ее литературоведческом (культурологическом) приложении

изданий. В 2020 году запланированная в Минске премьера спектакля по роману *Бывший сын* была запрещена.

2 И. П. Смирнов, *Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней*, Новое литературное обозрение, Москва 1994, с. 8.

обязана сконцентрироваться на том, каким отношением автор текста связывает субъекта с объектом, – на форме утверждаемой в сочинении власти, на особенности проводимой в нём идеи обладания (или не-обладания)³.

Термин «травма» (от греч. *τραῦμα* – «рана») традиционно используется в медицине для обозначения физических повреждений отдельных тканей, органов или всего организма под воздействием внешних факторов. В психиатрии травмой принято считать нарушения психики, вызванные либо соматическими расстройствами, либо воздействием внешних факторов: понятие «психическая травма» предполагает причинение вреда психическому здоровью человека в результате интенсивного влияния неблагоприятных факторов среды или остроэмоциональных, стрессовых воздействий других людей на его психику⁴. О психологической травме писали, в частности, французский врач-психиатр Жан-Мартен Шарко, австрийский врач-психиатр Йозеф Брейер и их младший коллега и ученик Зигмунд Фрейд. В частности, согласно Зигмунду Фрейду, травматическое воздействие может оказать любое событие, которое вызывает чувство ужаса, страха, стыда, душевной боли; от восприимчивости пострадавшего зависит вероятность того, что это происшествие приобретёт характер травмы⁵.

Травма стала одним из ключевых понятий психоанализа в XX и XXI веках: психоаналитика травмы и её воздействия на сознание, проблематика социальной и культурной травмы нашли отражение и дальнейшую разработку в работах Жака Лакана, Мишеля Фуко, Жюль Делёза, Жака Деррида, Рональда Айермана, Питера Левина, Кэти Карут, Джеффри Александера и т.д..

В центре психоаналитического дискурса – искажение травмирующего события, его подсознательный образ. Событие воспринимается – и индивидуумом, и социумом – бессознательно; травмирующий образ живёт своей подспудной жизнью. Попытки вытеснения травмы произвольны, поскольку и человек, и социум, и нация в целом оказываются неспособными вместить её в своё сознание. Американский исследователь Питер Левин указывает, что травма возникает не только в связи с такими событиями, как война, физическое, эмоциональное или сексуальное насилие, несчастные случаи, но и под воздействием куда более рядовых событий повседневной жизни. Американский культуролог Кэти Карут, анализируя травматический опыт с позиций фрейдизма, указывает на незаживающую рану культурной травмы. Понимание, осмысление травмы – главный путь к её преодолению. Любая «вспышка из прошлого» сопротивляется пониманию; сила травмирующего события и заключается в его «разрыве с пониманием»⁶.

3 Там же, с. 4.

4 Е. Мазур, *Психическая травма и психотерапия*, „Московский психотерапевтический журнал”, 2003, пг 1, с. 31.

5 З. Фрейд, *Предупреждение. О психическом механизме истерических феноменов*, [w:] Зигмунд Фрейд. *Собрание сочинений в 26 томах*. Т. 1. *Исследования истерии*, Восточно-Европейский Институт Психоанализа, Санкт-Петербург 2011, с. 9.

6 К. Карут, *Травма, время и история*, [w:] *Травма: пункты*. *Сборник статей*. Под редакцией Сергея Ушакина и Елены Трубиной, Новое литературное обозрение, Москва 2009, с. 569.

Преодоление же травмы происходит лишь в результате «нового рождения» негативного образа, его перехода из бессознательного в сознательное.

Роман Саши Филипенко *Травля* можно воспринимать именно как попытку осмысления писателем травмы, перенесённой постсоветским обществом – именно перенесённой, не пережитой, не проработанной, а значит, по-прежнему оказывающей деформирующее воздействие на массовое и индивидуальное сознание. По сути, наррационное полотно произведения в целом построено таким образом, что его можно определить как нечто, что российско-американский историк культуры и антрополог Сергей Ушакин называет «травмой-сюжетом»: полученный героями романа опыт травмы – опыт утраты, потери – превращается в повествовательную матрицу, придающую логику связного сюжета различным фактам как индивидуальной, так и коллективной биографии. Травма-сюжет является не только поводом для переосмысления утраченного прошлого, она задаёт общую систему повествовательных координат⁷.

Как отмечает Питер Левин, психологическая травма – состояние сильного испуга при столкновении с внезапной угрозой жизни, которую невозможно ни контролировать, ни эффективно купировать. Это своего рода брешь в стене, защищающей от внешнего воздействия, а появление этой бреши сопровождается патологически сильным чувством собственной беспомощности. Отсутствие внутренних ресурсов, необходимых для преодоления последствий травмирующего события, и приводит к возникновению психологической травмы. Реакция людей на травму варьируется в чрезвычайно широком спектре, а сила травмы напрямую зависит от степени защищённости индивида / общества и его способности к саморегуляции⁸. Именно вариативность реакций на полученный травматический опыт демонстрирует многоликость травли в романе Саши Филипенко. По замечанию публициста Михаила Белкина, понятие травли в романе «многовариантно: тут и забавы скучающих богачей (травля медведя), что и является «основой будущего конфликта»; и травля одного из героев в новой футбольной команде; но главное, конечно, травля независимого журналиста, осмелившегося писать разоблачительные статьи, и доведение его до убийства собственной дочери. Никакого катарсиса быть не может: игровой сюжет логично закругляется отстраненным цинизмом финала»⁹.

В одном из своих интервью Саша Филипенко отмечает следующее: «Мне хотелось показать, как работает механизм травли и на государственном уровне, и на уровне бытовом. Главного героя романа травлили в школе, он все понимает. Он пожил условно богатым, больше всего боится нищеты и, когда вновь остается без денег, зная, что испытывает травмимый человек, все равно на это идет. Мне

7 С. Ушакин, *Нам этой болью дышать?* [w:] *Травма: пункты...*, с. 9.

8 См.: Е. Мазур, *dz. cyt.*, с. 32–33.

9 М. Белкин, *Роман вошел в короткий список нацпремии «Большая книга» этого года* [w:] Гильдия словесников, URL: <https://slovesnik.org/chto-chitat/chto-chitayut-uchitelya/sasha-filipenko-travlya.html> (дата обращения: 12.10.2021).

кажется, что люди, которые сейчас занимаются травлей – вывешивают плакаты, распространяют гнусные слухи, знают, к чему это приводит в конце концов. Это, безусловно, приводит к тому, что в обществе появляется допустимость смерти человеческой»¹⁰.

Упомянутый в вышеприведенном фрагменте интервью герой – Лев Смыслов, чье деформированное травмой, невротическое сознание рождает идею, давшую название роману, – организовать травлю журналиста Антона Пятого, заставить его, не гнушаясь любыми способами, покинуть Россию. Среди инструментария травли – и кампания по очернению в средствах массовой информации, и беспочвенные и бездоказательные обвинения, и провокации, и организация т.н. «общественного осуждения», и даже сексуальное насилие.

Как отмечает российский историк Сергей Волков, травля – «цепная реакция, которая постоянно идет в нашем обществе, какие бы годы ни были на дворе»¹¹. Несмотря на то, что Лев – «дитя перестройки», родившийся в 1985 году, тем не менее, его сознание сформировано под воздействием идеологии, культивировавшей «советского человека». По утверждению директора «Левада-центра» Льва Гудкова, это человек, сформированный государственными институтами, в очень большой степени зависимый от государства, от его обещаний патерналистской заботы о народе, с его сознанием своей «исторической» миссии, а по существу – идеологией имперского превосходства, военной мощи, борьбы с враждебным окружением, изоляционизмом. Советский человек, испытывая постоянное давление со стороны государства, адаптировался к нему, используя богатый оппортунистический инструментарий, включающий двоемыслие, лицемерие, цинизм, пресмыкание перед начальством. Больше всего такой человек озабочен собственным выживанием в условиях войны, репрессий, постоянной угрозы чисток, произвола, хронической бедности и тотального дефицита. Он занят только своими проблемами – самосохранением и благополучием¹².

В случае Льва Смыслова травматический эффект от кризиса 1990-х многократно усиливается в результате наложения на советскую ментальность нового опыта, полученного в результате резкого скачка материального благосостояния: отец Льва, по образованию учитель физики, уходит в бизнес, который для его семьи становится скоростным социальным лифтом. Свалившееся на Льва неожиданное благополучие – тоже своего рода деформация, так как к нему не

10 К. Пульсон, *Хеппи-энд, как у Шекспира*, [w:] «Российская газета», nr 230 (7098)/2016, URL: <https://rg.ru/2016/10/11/pisatel-sasha-filipenko-zakompleksovanost-odna-iz-glavnyh-bed-rossii.html> (дата обращения: 20.10.2021).

11 С. Волков, *Саша Филипенко. «Травля»*, [w:] Гильдия словесников, URL: <https://slovesnik.org/chto-chitat/chto-chitayut-uchitelya/sasha-filipenko-travlya.html> (дата обращения: 12.10.2021).

12 М. Трудолобов, *Кто такой «Советский человек» сегодня? Интервью с директором «Левада-центра» Львом Гудковым*, [w:] Wilson Center, URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/kto-takoy-sovetskiy-chelovek-segodnya-intervyu-s-direktorom-levada-centra-lvom-gudkovym> (дата обращения: 19.10.2021).

прилагается соответствующего социально-культурного инструментария, позволяющего незрелому сознанию адекватно адаптироваться к новой реальности:

«Уже в 93-м мы ездим отдыхать за границу, у меня куча импортной одежды и гора игрушек. Как-то в конце тренировки ко мне подходит тренер и говорит: «Хватит собирать мячи – за тобой приехал отец – у него новый “Мерседес”!»! Ты понимаешь? Девяносто третий год, вся страна думает, как поесть хотя бы два раза в день, а папа покупает себе новый немецкий автомобиль. Кажется, я до сих пор помню запах той машины.

У нас новая квартира, импортные продукты. Дело отца, насколько я понимаю, постоянно растет – и вдруг: «Лев, милый, теперь мы не можем себе этого позволить...»¹³.

Именно отсутствие адаптации к новой реальности, наложенное на сложный в социальном плане период полового созревания, создаёт у Льва Смыслова ложное в своей сущности ощущение собственного превосходства – как «самого красивого» – перед «голожопыми одноклассниками»¹⁴ – ощущение, усиленное всеобщей завистью этих одноклассников и их готовностью лебезить перед ним и сносить его издевательства. Впрочем, подобострастно по отношению к подростку ведут себя и учителя, регулярно получающие от Смыслова-старшего прибавку к зарплате: они тоже признают «классовое» превосходство Льва:

«Уже тогда я понимаю, что такое хорошая жизнь. [...] это когда ты идешь в гардеробную комнату (а в твоей квартире есть и такая), засовываешь руку в отцовские джинсы и находишь там сто долларов. Вот что такое хорошая жизнь! Повсюду, куда ты ни помотришь, валяются деньги. Вот что такое хорошая жизнь!»¹⁵

Развращающее неокрепшее сознание подростка поклонение окружающего мира превращает ситуацию с разорением семьи из пограничного состояния в самую настоящую травму: неожиданную, необъяснимую, несущую боль – и в философском, и в реальном измерении:

«Мы живем себе без бед, но в один прекрасный день на страну обрушивается ураган, а вслед за ним и дефолт. [...]

До седьмого класса я – парень, которого привозят в школу на машине. В ноябре 98-го папа устраивается в эту же школу учителем физики. Папин план прост – он хочет показать кредиторам, что работает изо всех сил, и заодно решает перевоспитать меня. Одним махом. Он думает, что, выбросив меня из лодки, научит плавать»¹⁶.

Мир Льва разрушен, и это разрушение – сродни цивилизационной катастрофе, переживаемой всем постсоветским обществом¹⁷ с конца 1980-х. Общество

13 С. Филипенко, *Травля*, «Время», Москва 2017, с. 37.

14 Там же, с. 37.

15 С. Филипенко, *Травля...*, с. 40.

16 Там же, с. 38–39.

17 Термин «постсоветское» впервые был использован литовским историком-ориенталистом Альгисом Прузаускасом в статье, опубликованной в феврале 1992 года в «Независимой

теряет ценностные ориентиры, переживает значительное ухудшение качества жизни, а затем теряет и страну. Лев Смыслов теряет не только материальное благополучие, он теряет себя целиком, превращается в ничто:

«Поразительно, как легко может измениться мир. От меня ничего не остается. Я больше не самый красивый и сильный мальчик в школе. В первый же день парень, над которым я постоянно издевался, вытаскивает меня к доске и, *заломав* руку, не отпускает, пока я десять раз не повторю, что моя мама «тупая манда». Только в первую неделю папиной работы меня дважды опускают головой в унитаз. [...] Ты спросишь, за что? За то, что я больше никто.

Начинается охота. Настоящая. Каждую перемену. [...]

Тогда, в 98-м, я впервые понимаю, что происходит с человеком, когда на него спускают всех собак. Не понарошку, но по-настоящему»¹⁸.

Анализируя образ Льва Смылова через призму модеризирующего влияния травмы, можно заметить, что пережитое способствует формированию его личности по типу невротика. Одним из характерных признаков такого типа личности является стремление к обладанию, сопровождающееся враждебностью и тенденцией к причинению ущерба другим. Как отмечает американская психоаналитик и психолог Карен Хорни, само по себе желание обманывать, обкрадывать, эксплуатировать или фрустрировать других не является невротическим – оно может быть частью культуры, оправдываться определённой ситуацией или может рассматриваться нормальной личностью как ловкость. Но в случае невротической личности эти тенденции в высшей степени нагружены эмоциями. Удовлетворение же успехом имеет для невротика два источника: ощущение, что он перехитрил других, и ощущение, что он их унизил¹⁹.

Страдания, вызванные утратой благополучия и необходимостью выживать в столкновении с чуждым во всех отношениях окружением усугубляют невроз Льва, вызывают в нём чувство агрессии к отцу, который – совершенно эгоистично и безрефлексивно – назначается подростком виновником всех бед:

«В ту ночь отец останавливается на заснеженной площади. Пока я опускаю стекло, перед нами резко тормозит желтая машина. Из нее выбегают двое, вытаскивают отца. [...] Мужики несколько раз бьют папу битой и валят на снег... [...] Пока таксисты избивают отца – я не шевелюсь. Я ничего не боюсь. Вдвоем мы бы дали отпор этим ублюдкам, но я сижу на месте. Я просто смотрю. Думаю, в этот момент я искренне полагаю, что отец все это заслужил»²⁰.

газете» для обозначения географических и политических границ бывшей империи. – См.: А. Прузаускас, *СНГ как постколониальное пространство*, [w:] «Независимая газета», 1992. nr 25. 7 февраля. URL: https://sites.ualberta.ca/~khineiko/NG_92_93/1141438.htm (дата обращения: 10.07.2022).

18 С. Филипенко, dz. cyt., с. 39.

19 К. Хорни, *Невротическая личность нашего времени*, перевод А. И. Фета, Philosophical arkiv, Njuköping 2016, с. 116.

20 С. Филипенко, dz. cyt., с. 46.

Формирующаяся под воздействием травмы невротическая натура Льва проявляется не только склонностью вредить людям, но и чувством досадной зависти. По замечанию Карен Хорни, для невротика существенно именно чувство досады, вызванное фактом, что кому-то досталось что-то, что можно воспринимать как приобретение. Преимущества других кажутся ему столь великолепными и желанными, что его зависть представляется ему вполне оправданной²¹:

«Всякий раз, когда рядом останавливается иномарка, я с завистью смотрю на ее обладателя. Я вспоминаю времена, когда и мы могли позволить себе такую тачку. Если за рулем оказывается женщина – я представляю, что однажды буду обладать такой. Мне не важно, красивая она или нет, мне кажется, что в дорогах иномарках не бывает уродин»²².

Посттравматический невроз пробуждает в Льве – уже юноше-студенте – элементы, казалось бы, давно пережитого Эдипового комплекса:

«Я хочу спать на дорогих простынях, хочу женщину с квартирой на Невском [...]. Я мечтаю о богатой. Я даже готов простить ей помарки внешности, только бы кожа ее была бронзовой, губы подкачены и красиво покрашены. Единственное, чего я по-настоящему хочу, – чтобы волосы моих возлюбленных были выпрямлены, ухожены и намазаны тысячей лучших кремов. Мне нужны принцессы. Мне нужна моя собственная мама образца 1996 года. Женское тело возбуждает меня только в том случае, если тело это сковано золотыми браслетами»²³.

Досадная зависть к чужому богатству, неуёмное стремление обладать будут детерминировать всю дальнейшую жизнь Льва. Остюда и стремление продвигаться по карьерной лестнице, и желание обогащения, и жажда обладания женщинами. Наконец, невротический характер его личности в полной мере проявится в организации изощёренной и отвратительной травли журналиста Антона Пятого.

Любой травматический опыт предполагает неожиданность, спонтанность травмирующего события. Этот опыт укоренён в бессознательном, выплывает в кошмарах и повторяющихся действиях человека, пережившего травму. По мнению Кэти Карут, травматические образы и повторы – не искажение реальности, а скорее следствие чрезмерности увиденного. В свою очередь, такое понимание травмы делает необходимым поиск ответа на вопрос о том, свидетелем какой истории эта травма является, чем зафиксированная в ней версия событий отличается от более непосредственных воспоминаний²⁴.

Перипетии, выпавшие на долю Льва, – переезд семьи из центра в отдалённый и неблагополучный спальный район, потеря всего имущества, нищета, смерть отца и необходимость обеспечить себе в самом прямом смысле слова хлеб насущный – лишь усугубляют полученную травму. Герой не пытается осмысливать как уже произошедшее, так и свою новую реальность – он стремится вытеснить

21 К. Хорни, dz. cyt., с. 117.

22 С. Филипенко, dz. cyt., с. 46.

23 Там же, с. 55.

24 См.: К. Карут, dz. cyt., с. 561–581.

существующую травму, а его усилия – как самого настоящего советского человека, о чем уже упоминалось выше – направлены на восстановление прежнего социального статуса, причём любой ценой. При этом зафиксированная в его травматических образах версия истории вырвана из общего контекста, глубоко субъективизирована. Лев не предпринимает попытки рефлексировать о том, откуда у его отца были деньги, каким образом они были заработаны. Он не замечает, что задача найти выход из кризисной ситуации стоит перед всем социумом; его личностный кризис и травматический опыт – в его сознании – никак не соотносятся с общественными процессами в России конца XX – начала XXI века. Без проработки травмы нет освобождения от неё, нет поступательного движения. Травма моделирует психотип Льва, поглощает его, создает барьеры и делает видимым лишь один вектор личностного развития, которое, в сущности, является не развитием, а всё углубляющимся моральным упадком, деградацией. Регресс Льва Смыслова как личности, как целеустремлённого, необычайно работоспособного и в общем-то талантливого в прошлом журналиста созвучен регрессу всего постсоветского общества.

В контексте анализа структуры личности героя *Травли* и влияния травмы на формирование индивидуального и коллективного сознания следует напомнить о существовании двух типов современного общества: свободные и несвободные («общества страха»). Каждому из этих типов присущ ряд характеристик. Среди ключевых универсальных ценностей свободного общества – уважение к личности, её правам, достоинству и свободе, принцип равенства перед законом, наличие демократических институтов, верховенство права, принцип политического плюрализма и разделения властей, независимость средств массовой информации, наличие свободы выражения и вероисповедания и т.д.. Перед социумом, стремящимся стать современным и цивилизованным, стоит задача практической реализации вышеуказанных ценностей. Поставторитарному же и посттоталитарному обществу прежде всего нужно осмыслить перенесённые травмы, пережить их и освободиться от них. Обретение новой идентичности связано непосредственно с проблемой преодоления прошлого: нельзя игнорировать необходимость свершения правосудия, наказания ответственных за преступления, так как это поставит под угрозу сами основания общественного договора, правового государства с принципами равенства граждан перед законом.

Опубликованная в 2016 году *Травля* – не только пример рефлексии над посттравмой и постсоветскостью и их функционированием в современном обществе. Роман Саши Филипенко может служить своего рода исходным пунктом для размышлений о событиях новейшей истории – как европейской, так и российской, особенно с учетом деятельности провластных СМИ и гонений в отношении независимым журналистов, публицистов, общественных деятелей и деятелей культуры. В современной России, впрочем, не только в России, в подконтрольных государству медиа нет недостатка в пропагандистских материалах, романтизирующих не только советское прошлое, но и все сильнее мимикрирующее под него настоящее, и одновременно убеждающих получателя информации

в полной безальтернативности нынешней власти. Таким образом, постсоветскость современного российского общества – что совершенно точно отражено в романе Саши Филипенко – в первую очередь обусловлена специфическим моделированием государственной идеологией и подконтрольными власти масс-медиа и функционированием памяти, полной травматических событий и переживаний и исторических лагун. «Постсоветское» стало символической артикуляцией современной истории России: по замечанию российского культуролога Екатерины Суверины, постсоветскость прочно связана с ощущением меланхолической утраты, сентиментальными воспоминаниями о низких ценах и дефиците, о предсказуемости будущего, а также вызывает глубокое чувство принадлежности к «империи»²⁵.

На протяжении последних более чем ста лет в России не раз возникали условия для общественно-политической и культурной модернизации, однако всякий раз этот процесс стопорился практически в самом начале, чтобы затем смениться инволюцией и деградацией. По мнению российского социолога Льва Гудкова, отказ от демократической формы правления и построения общественных и экономических отношений в условиях правового государства обусловлен не какими-то особыми традициями, культурой или ментальностью российского населения, а связан с сохранением архаической организации основных институтов и неподконтрольной обществу бюрократии. Главная проблема заключается в самом человеке, который адаптировался к репрессивному государству, получил и постоянно использует опыт приспособления к насилию. Именно это делает общество неспособным к рецепции сложных моральных представлений, парализует структурную дифференциацию, формирование новых социальных форм и отношений²⁶. В результате травматический опыт прошлого остаётся непроработанным, неосмысленным ни на уровне интеллигенции, ни на уровне власти, что имеет непосредственное влияние на общую ментальную кондицию общества. Обращаясь к проблеме отражения в современной российской литературе постсоветскости, польская исследовательница Катажина Ястшембска справедливо замечает, что столкновение с реальной травмой – разоблачением катастрофических последствий тоталитарного режима – по-прежнему вопрос будущего²⁷. На протяжении последних десятилетий постсоветскость стала идеологической рамкой восприятия современности, а зависимость от т.н. «великого» прошлого обрела некий культовый характер. Как отмечает Е. Суверина, «пост-» превратилось в форму социальной памяти, где современность уступила место утрате, которая стала базисом для создания коллективной идентичности²⁸.

25 Е. Суверина, *Репрессивная толерантность*, [w:] «Новое литературное обозрение», 2015, nr 131 (1), URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11256/ (дата обращения: 11.07.2022).

26 См.: Л. Гудков, *Абортивная модернизация*, РОССПЕН, Москва 2011.

27 K. Jastrzębska, *Постсоветскость как травма? Проза Романа Сенчина*, „Przegląd Rusycystyczny”, 2018, nr 3 (163), с. 106-116.

28 Е. Суверина, dz. cyt.

В таком контексте социальная память сформировалась как мифотворческая конструкция, представляющая и воспринимающая действительность через призму собственных интересов, исключая плюрализм мнений и оценок, редуцирующая события до мифических архетипов»²⁹. И в ряде постсоветских стран, и прежде всего в России, на протяжении последних двадцати с лишним лет наблюдалось всё возрастающее идеологическое давление со стороны государства, сопровождавшееся «закручиванием гаек», борьбой с инакомыслием, обращением к травле как инструменту влияния на общественное мнение. В результате, по замечанию известного российского политолога Лилии Шевцовой, после достаточно короткого периода реформ происходит возвращение к состоянию, из которого Россия так мучительно пыталась выйти в 1990-е³⁰.

Апофеозом отката в авторитарно-тоталитарное прошлое³¹, открытой манифестацией руководством России отказа от демократических ценностей в пользу вытекающих из травматического прошлого актуализированных имперских амбиций стали события 2008-2022 годов, являющиеся прямым следствием политической линии, выбранной в отношении постсоветского пространства: вооруженные конфликты с Грузией и Украиной, результатом которых стало расширение сферы влияния Российской Федерации посредством фактической оккупации части территории этих стран³².

29 А. Ассман, *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*, перевод Б. Хлебникова, Новое литературное обозрение, Москва 2014, с. 38.

30 Л. Шевцова, *Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката*, „Pro et Contra”, 2004, № 3. Том 8, с. 36.

31 Согласно проведенному специалистами Аналитического центра Юрия Левады в мае 2021 года опросу, в списке самых выдающихся личностей, по мнению россиян, оказались: И. Сталин (39%), В. Ленин (30%), А. Пушкин (23%), Пётр I (19%) и В. Путин (15%). В комментарии к исследованию социолог Лев Гудков отметил, что лидеры рейтинга важнейших персоналий не меняются фактически с 1989 года. Ученый также отметил явные признаки деградации смыслового поля, связанного с оценкой роли различных деятелей в национальной истории: общее число упоминаний сократилось с 2008 года в 1.6 раза. Среди вероятных причин, по мнению Гудкова, – давление цензуры и насильственное насаждение мало значимых для общества «традиционных ценностей», реакция примитивизации массового сознания, характерная для авторитарных режимов. – См.: *Самые выдающиеся личности в истории*, [w:] Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады, URL: <https://www.levada.ru/2021/06/21/samye-vydayushhiesya-lichnosti-v-istorii/> (дата обращения: 13.07.2022).

32 В 2008 году после российско-грузинского вооружённого конфликта Россия признала независимость самопровозглашенных республик Абхазия и Южная Осетия, которые грузинские власти, как и большинство стран-членов ООН, считают частью Грузии. У власти в этих непризнанных государственных образованиях находятся пророссийские силы, а жителям активно раздаются российские паспорта. В 2014 году Россия произвела аннексию бывшего частью Украины Крымского полуострова, а также поддержала сепаратизм в ряде восточных областей Украины, что привело к созданию в том же году самопровозглашенных марионеточных Донецкой и Луганской республик, ставшему, в сущности, подготовкой к вторжению российских войск на территорию Украины 24 февраля 2022 года. В сентябре 2022 года Россия после проведения непризнанных мировым сообществом «референдумов» произвела аннексию оккупированных областей Украины.

Своеобразным прологом к этим событиям стала речь Владимира Путина 10 февраля 2007 года на конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене. В этой речи четко прослеживается наличие у российского политического истеблишмента посттравматического синдрома, выражающегося в ностальгии по статусу супердержавы в результате распада СССР: «Всего лишь два десятилетия назад безопасность (мира – Д.К.) обеспечивали огромные стратегические потенциалы двух сверхдержав. [...] Однако что же такое однополярный мир? Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена»³³.

Посттравматическое состояние, связанное с утратой статуса сверхдержавы, усиленное фактом технологического отставания от главного мирового конкурента – т.н. «коллективного Запада», а также всё углубляющимися противоречиями в области понимания фундаментальных ценностей и свобод, стало одним из определяющих факторов для политики Владимира Путина, конечной целью которой является, по сути, воссоздание России в её имперских границах. Отказ от реформ и построения демократического – в понимании западной цивилизации – общества вполне объясним: по замечанию Сергея Ушакина, посттравматическое состояние не имеет ничего общего со стремлением уйти от травмы. Наоборот – возникает стремление вкомпановать ее в структуру повседневности, настоящего³⁴. Этим стремлением может, в частности, объясняться риторика мюнхенского выступления Владимира Путина, говорящего о равном статусе США и России на международной арене, а также о том, что «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику»³⁵, и о намерении «не [...] изменять этой традиции и сегодня»³⁶.

Активное пропагандистское воздействие на российское общество в последние годы – особенно после событий 2014 года – сводилось, в частности, к отмежеванию от «тлетворного влияния Запада», к утверждениям об особом цивилизационном пути России³⁷, а также к необходимости восстановления исторической справедливости, в том числе в контексте возвращения к границам Российской империи³⁸.

33 *Выступления и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности*, 10 февраля 2007 года, URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 06.07.2022).

34 С. Ушакин, *Нам этой болью дышать?* [w:] *Травма: пункты...*, с. 9.

35 *Выступления и дискуссия на Мюнхенской конференции...* (дата обращения: 06.07.2022).

36 Там же.

37 *Сергей Лавров не исключил разрыва отношений с Евросоюзом*, [w:] *Говорит Москва*, 12 февраля 2021 г., URL: <https://govoritmoskva.ru/news/263422/> (дата обращения: 06.07.2022).

38 См.: Д. Травин, *«Особый путь» России. От Достоевского до Кончаловского*, Издательство Европейского университета, Санкт-Петербург, 2018; *«Особый путь»: от идеологии к методу*. Составители: М. Б. Велижев, Т. М. Атнашев, А. Л. Зорин. Новое литературное обозрение, Москва 2018.

Именно через призму посттравматического существования и мировосприятия следует воспринимать и актуализировавшуюся в XXI веке проблему российской национальной идентичности, ставшую одной из ведущих тем дискуссий в российской социальной антропологии и политологии. По замечанию российского историка Федора Николаи, при использовании понятия «национальная идентичность» происходит неотрефлексированное соединение двух принципиально отличных теоретических подходов: конструктивистского исследования наций (национализмов) и эссенциалистского понимания культуры. И обращение к метафорике исторической или культурной памяти помогает смягчить, риторически завуалировать нестыковку между ними³⁹.

Показательным примером с точки зрения использования эссенциалистского подхода к пониманию российской – русской – культуры и государственности является обращение Владимира Путина 21 февраля 2022 года, предварившее вторжение российских войск на территорию Украины. В этом обращении уже в который раз в качестве инструмента манипулятивного воздействия на общественное мнение – не только в России, но и в других странах мира – было использовано жонглирование историческими фактами, целью которого было историческое обоснование агрессивным действиям России по отношению к украинскому государству:

«Издавна жители юго-западных исторических древнерусских земель называли себя русскими и православными. Так было и до XVII века, когда часть этих территорий воссоединилась с Российским государством, и после. [...] современная Украина целиком и полностью была создана Россией, точнее, большевистской, коммунистической Россией [...] причём Ленин и его соратники делали это весьма грубым по отношению к самой России способом – за счёт отделения, отторжения от неё части её собственных исторических территорий. [...] Сталин присоединил к СССР и передал Украине некоторые земли, ранее принадлежавшие Польше, Румынии и Венгрии [...], а в 1954 году Хрущёв зачем-то отобрал у России Крым и тоже подарил его Украине. Собственно, так и сформировалась территория советской Украины»⁴⁰.

Речь Путина демонстрирует ту же фиксацию в травматических образах вырванной из общего контекста истории, упомянутую в анализе травмы героя *Травли*⁴¹. Продвигаемая президентом России версия истории субъективизирует

39 Ф. Николаи, *Кризис «идентичности»: культурная память по ту сторону правой ностальгии и либеральной терапии*, [w:] «Новое литературное обозрение», 2021, nr 135 (1), URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/135_nz_1_2021/article/23387/?sphrase_id=431987 (дата обращения: 10.07.2022).

40 *Обращение Президента Российской Федерации*, 21 февраля 2022 года, URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67828> (дата обращения: 06.07.2022).

41 Символичным в данном контексте является факт, что герой Саши Филипенко родился в Петербурге (Ленинграде) – родном городе Владимира Путина. Как и Путин, Лев Смыслов начинает свою карьеру в Петербурге, а затем перебирается в Москву, где и выходит «на новый уровень» своей карьеры.

вана, подчинена его собственному – имперскому по своему духу и идеологической направленности – видению роли России в мировой политике. Эффектом целенаправленного и неприкрытого манипулирования историческими фактами, использования идеологического инструментария прошлого для выстраивания современного политического, идеологического и культурного дискурса, сводящегося, среди прочего, к встраиванию травмы в новую действительность, а также открыто колониальное восприятие постсоветского пространства как территорий, данных России свыше и лишь временно вышедших из-под ее контроля, становится реваншизм – стремление исправить «ошибки прошлого»: «[...] зачем надо было с барского плеча удовлетворять любые, безгранично растущие националистические амбиции на окраинах бывшей империи? Передавать во вновь образуемые, причём часто произвольно сформированные, административные единицы – союзные республики – огромные, часто не имевшие к ним вообще никакого отношения территории. [...] С точки зрения исторических судеб России и её народов ленинские принципы государственного строительства оказались не просто ошибкой, это было, как говорится, гораздо хуже, чем ошибка. После развала СССР в 1991 году это стало абсолютно очевидным. [...] Это сейчас радикалы и националисты, в том числе и прежде всего на Украине, приписывают себе заслугу завоевания независимости. Как мы видим, это совсем не так. К распаду нашей единой страны привели исторические, стратегические ошибки лидеров большевиков, руководства КПСС, допущенные в разное время в государственном строительстве, экономической и национальной политике. Распад исторической России под названием СССР на их совести»⁴².

Россия, строящая свою идеологию на тезисе о государстве, освободившем Европу от фашизма и нацизма и исполняющем священную миссию миротворца⁴³, в результате скатилась в реваншизм, весьма схожий с немецким реваншизмом времен заката Веймарской республики⁴⁴. О трагических последствиях подобной

⁴² *Обращение Президента Российской Федерации...*, (дата обращения: 06.07.2022).

⁴³ 3 мая 2022 года Патриарх Русской Православной Церкви Кирилл в проповеди в Архангельском соборе Кремля заявил: «Мы ни с кем не хотим воевать. Россия никогда ни на кого не нападала. Это удивительно, что великая и могучая страна никогда ни на кого не нападала – она только защищала свои рубежи. Дай Бог, чтобы и до окончания века страна наша была такой – сильной, могучей и одновременно любимой Богом. Мы просим Господа, чтобы Он Свою любовь не оторнул от народа нашего и от Церкви нашей, чтобы вразумил власти, чтобы в вере, благочестии и мудрости укрепил народ наш, чтобы дал нам силы работать, жить и, если нужно, бороться за то, чтобы сохранялась свободная и ни от кого не зависящая жизнь нашего народа и нашей страны». – См.: *Патриаршая проповедь в день Радоницы после Литургии в Архангельском соборе Московского Кремля*, URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5922848.html> (дата обращения: 06.07.2022).

⁴⁴ В частности, в подобном ключе рассуждал о необходимости восстановления исторической справедливости и воссоздания великой Германии Адольф Гитлер своей речью перед депутатами рейхстага 1 сентября 1939 года: «В течение долгого времени мы страдали от ужасной проблемы, проблемы, созданной Версальским диктатом, которая усугублялась, пока не стала невыносимой для нас. Данциг был – и есть германский город. Коридор был – и есть

политики не задумалась ни власть, ни российское общество в целом. Показательными в данном контексте являются рассуждения героя Саши Филипенко, Льва Смыслова:

«Мы не верим в беду. Нам кажется, что несчастье всегда случается с другими. В аварии попадают соседи, уничтожают тех, кто слишком много говорит. От рака умирают друзья, от СПИДа – знакомые. Посадить могут дальнего родственника, ограбить разве что одноклассника. Нас убеждают, что погибнуть в авиакатастрофе практически невозможно [...] До последнего мы отказываемся верить несчастью. Предчувствие драмы принято называть страхом. Бояться – стыдно. Не стыдно умирать»⁴⁵.

Тем не менее, общество, не защищающее свободы и плюрализма, лишаящее гражданина права на инакомыслие, неизбежно будет основано именно на страхе: механизм тирании не оставляет места ни для чего другого. Именно об этом напоминает являющаяся интегральной частью *Травли* антиутопия Антона Пятого⁴⁶, именно об этом свидетельствует конструкция образов героев *Травли*, именно это – ключевое послание читателю Саши Филипенко. Послание – как показал небывалый размах репрессий за любое инакомыслие и неприятие войны – не дошедшее до широкого круга адресатов и заглушенное бравурными военными маршами и шапкозакладательскими настроениями, возвращенными официальной пропагандой в посттравматическом постсоветском обществе бывшей империи.

германский. Обе эти территории по их культурному развитию принадлежат исключительно германскому народу. Данциг был отнят у нас, Коридор был аннексирован Польшей. Как и на других германских территориях на востоке, со всеми немецкими меньшинствами, проживающими там, обращались всё хуже и хуже. Более чем миллион человек немецкой крови в 1919-20 годах были отрезаны от их родины. Как всегда, я пытался мирным путём добиться пересмотра, изменения этого невыносимого положения. Это – ложь, когда мир говорит, что мы хотим добиться перемен силой. [...] По своей собственной инициативе я неоднократно предлагал пересмотреть эти невыносимые условия. Все эти предложения, как вы знаете, были отклонены – предложения об ограничении вооружений и, если необходимо, разоружении, предложения об ограничении военного производства, предложения о запрещении некоторых видов современного вооружения». – См.: *Речь рейхсканцлера А. Гитлера в Рейхстаге 1 сентября 1939 г.* [w:] *Документы XX века*, URL: <http://doc2.ovek.ru/pode/1347> (дата обращения: 12.07.2022).

⁴⁵ С. Филипенко, dz. сут., с. 178.

⁴⁶ Журналист Антон Пятой, один из героев *Травли*, работает над антиутопией – ее фрагменты включены в текст романа. События антиутопии концентрируются вокруг превращенного в шоу судебного процесса в некоей империи, где «уже десять лет как проведена судебная реформа, главным итогом которой стала оптимизация кадров судопроизводства. Как результат: прокурор и адвокат стали одним субъектом судебного процесса». – С. Филипенко, dz. сут., с. 21. И обвинение, и ход процесса, и его последствия являются, в сущности, эксплицитной сатирой на российские реалия последних десятилетий, связанные с ограничением основных гражданских свобод, а также предвосхищает события, связанные с давлением на независимые СМИ и преследованием за инакомыслие в соцсетях (С. Филипенко, dz. сут., с. 20–22, 30–33, 90–93).

Травма постсоветскости как детерминант структуры личности и общества становится одним из ключевых понятий, при помощи которых Саша Филипенко анализирует то, каким образом стало возможным вторжение российских войск на территорию Украины:

«В последнее время мне [...] часто задают один и тот же вопрос: почему столь близкие народы, как Украина, Россия и Беларусь выбрали столь непохожие пути развития? Мой ответ очень прост: эта близость сильно преувеличена Москвой, а в действительности мы очень разные. [...] Я – продукт Советского Союза и XX века. Но я никогда не задавался вопросом о собственной идентичности: я всегда понимал, что я – белорус.

Если бы кто-то сказал мне, что я русский, потому что пишу на русском языке, я был бы искренне удивлен. Я твердо убежден, что русский язык не принадлежит России, для меня он всего-навсего средство коммуникации. Говоря [...] по-немецки в Цюрихе, вы не становитесь немцем – вы остаетесь швейцарцем. Как и я, говоря по-русски, остаюсь белорусом. С ранних лет я очень хорошо понимал этот пример, но проблема моей страны, как и проблема Украины, заключалась в том, что этого не понимали в Москве. Для Кремля все люди, которые говорят на русском языке, – потенциальные налогоплательщики»⁴⁷.

По мнению Филипенко, носителями травмы постсоветскости в значительной степени стало именно поколение родителей – и самого писателя, и его героев: Льва, Кало, Александра и других. Именно родители «десятки лет после распада Советского Союза [...] ежедневно черпали информацию из российских новостей [...]. Фактически, они жили в новой стране, с новыми деньгами и новыми паспортами, но ментально оставались в стране своего прошлого, в Советском Союзе, который будто бы подменяла Россия»⁴⁸.

Такая подмена вполне соответствовала не только постулатам идеологии времен СССР, но также и мировоззрению постсоветских кремлевских идеологов, которые в условиях углубляющегося экономического кризиса начала 1990-х годов планомерно работали над выстраиванием официальной позиции руководства России по отношению к распаду СССР и необходимости осмысления тоталитарного прошлого: эта позиция основывалась на постимперской ностальгии и реваншизме, которые, по мнению автора *Травли*, вкупе с противостоянием поколений привели, в частности, к войне России против Украины:

«Люди не понимают, что государство может быть принципиально другим, что президент может быть другим. [...] В этом смысле это безусловное столкновение взглядов: как можно жить, кто и как может управлять государ-

⁴⁷ S. Filipenko, 'No one wants to be a little brother': Belarus, Russia and Ukraine – a dysfunctional family affair [w:] *The Guardian*, 2022. 05 April. URL: <https://www.theguardian.com/books/2022/apr/05/belarus-russia-and-ukraine-putin-dysfunctional-family> (дата обращения: 17.07.2022).

⁴⁸ Там же.

ством. Это борьба вымирающих видов и всех людей, которые их окружают. Люди, которые окружают Путина и Лукашенко – понимают, что в будущем им нет места»⁴⁹.

Написанная в 2016 году *Травля* во многом предвосхищает события в России последних лет. В частности, пророческим является фрагмент письма одного из героев романа, Александра Славина, своему другу Себастьяну:

«Если серьезно, кажется, папенька окончательно сошел с ума. Сейчас, говорит он, во что бы то ни стало следует помочь лидеру. Отец уверен, что настал час показать преданность. Удивительная страна! Патриотизм здесь измеряется не поступками, но готовностью поддержать даже самое идиотское начинание вождя. Того и гляди, завтра будут ходить по квартирам и предлагать совершить какое-нибудь жертвоприношение... Большое? Маленькое? Не важно!»⁵⁰

Вторжение в 2022 году российских войск на территорию Украины сопровождается не только символическим жертвоприношением со стороны общества – согласиться с требованием безоговорочной поддержки «специальной операции»⁵¹. Имеет место быть и фактическое жертвоприношение – речь не только о потерях личного состава⁵², но и о проводимой по всей территории страны кампании по вербовке потенциальных участников боевых действий⁵³. Объяснение легкости, с которой пропаганда в России деформирует общественное сознание, можно найти, в частности, также в опубликованном в 2022 году романе Саши Филипенко *Кремудлятор*:

«В очередной раз нам предлагали выбирать между здравым смыслом и тем, что еще принято было называть порядочностью. [...]

Мой враг не белый и не красный, враг мой не черный, не серый и не желтый – враг мой всегда только один: мой враг – любой человек. С детства мне талдычат,

49 *Саша Филипенко: «Лукашенко и Путин сражаются современным»* [w:] UDF.BY, 2022, 4 августа. URL: https://udf.name/news/main_news/246300-sasha-filipenko-lukashenko-i-putin-srazhajutsja-so-vremenem.html (дата обращения: 12.08.2022).

50 С. Филипенко, dz. cyt., с. 61.

51 4 марта 2022 года Государственная дума и Совет Федерации Российской Федерации одобрили изменения в Уголовный кодекс РФ. Согласно поправкам, за распространение фейков о военной операции, призывы к санкциям и дискредитацию Вооруженных сил России грозит лишение свободы на срок до 15 лет. В частности, за призывы помешать войскам защищать интересы России, а также за призывы к санкциям против России может грозить до 3 лет колонии; за призывы к воспрепятствованию или дискредитации войск, повлекшие тяжкие последствия, – до пяти лет колонии. – См.: Д. Гончарук, Т. Замахина, *Госдума и Совфед ввели уголовное наказание за фейки о спецоперации РФ*, [w:] *Российская газета*, 2022, 4 марта. URL: <https://rg.ru/2022/03/04/gosduma-i-sovfed-vveli-ugolovnoe-nakazanie-za-fejki-o-specoperacii-uf.html> (дата обращения: 22.08.2022).

52 О. Ившина, *Примерно 20 батальонов: что мы знаем о потерях России за полгода войны в Украине*, [w:] BBC News. Русская служба, 2022, 19 августа. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-62599928> (дата обращения: 20.08.2022).

53 21 сентября 2022 года в России была объявлена частичная мобилизация. Согласно официальной информации, план призыва составляет 300 тысяч человек.

что я должен поступать честно, но как согласиться с этим, если никому не нужны теперь качества влекут за собой неминуемую смерть? К чему эта доблесть? К чему верность и чистота? Кому они нужны?»⁵⁴

В сущности, несмотря на то, что – в отличие от *Травли* – в *Кремляторе* писатель обращается к событиям первых десятилетий XX века, совершенно четко прослеживается посыл о некоем вневременьи в России, где современность – лишь очередная реинкарнация прошлого, когда вновь расцветает доноительство, когда любой человек может получить клеймо «врага народа»⁵⁵, а демонстрация верноподданничества и идеологически выверенного патриотизма заменяет ставшую – в очередной раз – ненужной порядочность.

Библиография

Assman A., *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika*, perevod B. Khlebnikova, Novoye literaturnoye obozreniye, Moskva 2014.

Belkin M., *Roman vosbel v korotkiy spisoknatspremii «Bol'shaya kniga» etogo goda*, „Gil' diya slovesnikov”, URL: <https://slovesnik.org/chto-chitat/chto-chitayut-uchitelya/sasha-filipenko-travlya.html>.

Filipenko S., *'No one wants to be a little brother': Belarus, Russia and Ukraine – a dysfunctional family affair* [w:] *The Guardian*, 2022. 05 April, URL: <https://www.theguardian.com/books/2022/apr/05/belarus-russia-and-ukraine-putin-dysfunctional-family>.

Filipenko S., *Kremulyator*, [w:] «Znamya», 2022, nr 2. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8200>.

Filipenko S., *Travlya*, «Vremya», Moskva 2017.

Freyd Z., *Sobraniye sochineniy v 26 tomakh*. Т. 1. *Issledovaniya isterii*. Vostochno-Yevropeyskiy Institut Psikhooanaliza, Sankt-Peterburg 2011.

Goncharuk D., Zamakhina T., *Gosduma i Sovfed vveli ugovnoye nakazaniye za feyki o spetsoperatsii RF*, [w:] *Rossiyskaya gazeta*, 2022, 4 marta. URL: <https://rg.ru/2022/03/04/gosduma-i-sovfed-vveli-ugovnoe-nakazanie-za-fejki-o-specoperacii-rf.html>.

Gudkov L., *Abortivnaya modernizatsiya*, ROSSPEN, Moskva 2011.

Ivshina O., *Primerno 20 batal'onov: chto my znayem o poteryakh Rossii za polgoda voyny v Ukraine*, [w:] *BBC News. Russkaya sluzhba*, 2022, 19 avgusta. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-62599928>.

⁵⁴ С. Филипенко, *Кремлятор*, [w:] «Знамя», 2022, nr 2. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8200> (дата обращения: 20.08.2022).

⁵⁵ В. Катаева, *В Госдуме представили список 142 знаменитостей, не поддержавших СВО*, [w:] *News.ru*, 2022, 5 августа. URL: <https://news.ru/culture/v-gosdume-predstavili-spisok-142-znamenitostej-ne-podderzhavshih-svo/> (дата обращения: 21.08.2022).

Jastrzębska K., *Postsovetskost' kak travma? Proza Romana Senchina*, „Przegląd Rusycystyczny”, 2018, nr 3(163), s. 106-116.

Katayeva V., *V Gosdume predstavili spisok 142 znamenitostey, ne podderzhavshikh SVO*, [w:] News.ru, 2022, 5 avgusta. URL: <https://news.ru/culture/v-gosdume-predstavili-spisok-142-znamenitostey-ne-podderzhavshih-svo/>.

Karut K., *Travma, vremya i istoriya*, [v:] *Travma: punkty. Sbornik statey*. Pod redaktsiyey Sergeya Ushakina i Yeleny Trubinoy. Novoye literaturnoye obozreniye, Moskva 2009.

Khorni K., *Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni*. Perevod A. I. Feta, Philosophical arkiv, Nyköping 2016.

Mazur Ye., *Psikhicheskaya travma i psikhoterapiya*, «Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal», 2003, nr 1, s. 31-52.

Nikolai F., *Krizis «identichnosti»: kul'turnayapamyat' po tu storonu pravoye nostalgii i liberal'noy terapii*, «Novoye literaturnoye obozreniye», 2021, nr 135 (1), URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/135_nz_1_2021/article/23387/?sphrase_id=431987.

Obrashcheniye Prezidenta Rossiyskoy Federatsii, 21 fevralya 2022 goda, URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67828>.

„Osobyi put'”: *ot ideologii k metodu*. Sostaviteli: M. B. Velizhev, T. M. Atnashev, A.L. Zorin. Novoye literaturnoye obozreniye, Moskva 2018.

Patriarshaya propoved' v Den' Radonitsy posle Liturgii v Arkhangel'skom sobore Moskovskogo Kremlya, URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5922848.html>.

Prazauskas A., *SNG kak postkolonial'noye prostranstvo*, «Nezavisimaya gazeta», 1992, nr 25, 7 fevralya. URL: https://sites.ualberta.ca/~khineiko/NG_92_93/1141438.htm.

Pul'son K., *Kheppi-end, kak u Shekspira*, «Rossiyskaya gazeta», 2016, nr 230 (7098), URL: <https://rg.ru/2016/10/11/pisatel-sasha-filipenko-zakompleksovanost-odna-iz-glavnyh-bed-rossii.html>.

Rech' reykbskantslera A. Gitlera v Reykhstage 1 sentyabrya 1939 g. [v:] *Dokumenty XX veka*, URL: <http://doc2ovek.ru/node/1347>.

Samyye vydayushchiyesya lichnosti v istorii, Levada-Tsentr. Analiticheskiy tsentr Yuriya Levady, URL: <https://www.levada.ru/2021/06/21/samyye-vydayushhiyesya-lichnosti-v-istorii/>.

Sasha Filipenko: «Lukashenko i Putin srazhayutsya sovremenem», [w:] UDF.BY, 2022, 4 avgusta. URL: https://udf.name/news/main_news/246300-sasha-filipenko-lukashenko-i-putin-srazhajutsja-so-vremenem.html.

Sergey Lavrov ne isklyuchil razryva otnosheniy s Yevrosoyuzom, [v:] *Govorit Moskva*, 12 fevralya 2021 g., URL: <https://govoritmoskva.ru/news/263422/>

Shevtsova L., *Kak Rossiya ne spravilas' s demokratiyey: logika politicheskogo otkata*, „Pro et Contra”. 2004, nr 3. Tom 8, s. 36-55.

Smirnov I. P., *Psikhodiakhronologika. Psikhohistoriya russkoy literatury ot romantizma do nashikh dney*, Novoye literaturnoye obozreniye, Moskva 1994.

Suverina Ye., *Repressivnaya toleratnost'*, «Novoye literaturnoye obozreniye», 2015, nr 131 (1), URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11256/.

Travin D., „*Osobyy put*” *Rossii. Ot Dostoyevskogo do Konchalovskogo*, Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta, Sankt-Peterburg 2018.

Trudolyubov M., *Kto takoy «Sovetskiy chelovek» segodnya? Interv'y u s direktorom «Levada-tsentra» L'vom Gudkovym* [v:] Wilson Center, URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/kto-takoy-sovetskiy-chelovek-segodnya-intervyu-s-direktorom-levada-centra-lvom-gudkovym>.

Ushakin S., *Nam etoy bolyu dysbat?* [v:] *Trauma: punkty. Sbornik statey*. Pod redaktsiyey Sergeya Ushakina i Yeleny Trubinoy. Moskva 2009.

Volkov S., *Sasha Filipenko. «Travlya»*, „Gil'diya slovesnikov”, URL: <https://slovesnik.org/chto-chitat/chto-chitayut-uchitelya/sasha-filipenko-travlya.html>.

Vystupleniye i diskussiya na Myunkbenskoy konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti, 10 fevralya 2007 goda, URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.

STRESZCZENIE

Trauma jako wyznacznik struktury osobowości i mentalności społeczeństwa we współczesnej Rosji – na podstawie charakteru powieści Nagonka Sashy Filipenko

Trauma jest jednym z kluczowych pojęć analizy konstrukcji postaci w powieści *Nagonka*, wydanej w 2016 roku przez białoruską i rosyjską pisarkę Sashę Filipenko.

Jednym z głównych bohaterów powieści jest Lew Smysłow, którego należy uznać za pewien typ członka społeczeństwa postsowieckiego współczesnej Rosji, który musiał stawić czoła nowej, niestabilnej rzeczywistości będącej wynikiem przemian społeczno-politycznych w ostatnim dziesięcioleciu XX wieku. Trauma stały się podstawą procesu kształtowania się osobowości Lwa: bolesne testy, jakie przechodził w latach 90. XX wieku, deformowały jego świadomość, aspiracje życiowe i przesądzały o jego przyszłości. Jego największym pragnieniem jest zostanie częścią klasy wyższej – tzw. śmietanki towarzyskiej. Za osiągnięcie tego celu Lew jest gotów zapłacić każdą cenę. Traumatyczne przeżycia zmieniają świat wewnętrzny bohatera i stają się przyczyną jego nieuleczalnych lęków oraz wyrafinowanego okrucieństwa, które pozwala mu niszczyć życie innych ludzi.

SŁOWA KLUCZOWE

Sasha Filipenko, trauma, społeczeństwo postsowieckie, świadomość indywidualna i zbiorowa

ABSTRACT

Trauma as a determinant of the structure of personality and mentality of the society in modern Russia – based on the character of the novel “The Hounding” by Sasha Filipenko

Trauma is one of the key concepts of the analysis of the construction of the character in “The Hounding”, the novel published in 2016 by Belarusian and Russian writer, Sasha Filipenko. One of the main characters of this novel is Lev Smyslov, who should be considered as a certain type of a member of modern post-Soviet society, who had to meet the new, unstable reality being a result of socio-political changes in the last decades of the 20th century. Trauma becomes the base for the process of formation of Lev’s personality: painful tests he came through at the 1990s had a deforming effect on his consciousness, life aspirations and predetermined his future. His engrossing desire is to be a part of the upper class – and he is ready to pay any price for it. The traumatic experience changes the inner world of the character and becomes the cause of his incurable fears as well as his sophisticated cruelty, which let him destroy other people’s life.

KEY WORDS

Sasha Filipenko, trauma, post-Soviet society, individual and mass consciousness

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Саша Филипенко, травма, постсоветское общество, индивидуальное и массовое сознание.